

Время мейн-2003.-25 февр.-с.7.

Из касты басов

Знаменитый певец Паата Бурчуладзе, чье имя украшает афиши всех лучших оперных театров мира, побывал в Москве проездом из Токио в Тель-Авив. На сцене Большого театра он дважды спел заглавную партию в спектакле «Борис Годунов» постановки 1948 года

Беседовала Мария Бабалова

— Найти свободные дни в расписании оказалось чудом. «Борис Годунов» в Большом — сказочный спектакль. Величественный, традиционный. Кстати, в Москве мне все-таки однажды уже приходилось петь Бориса — во время гастролей Тбилисского оперного театра. Но я не считаю это полноценным выступлением в Большом. Так что у меня дебют. А партия Бориса — это предел мечтаний каждого баса. Образ, в котором невозможно достичь предела. Даже Шалипину это, на мой взгляд, не удалось. Правда, благодаря некоторым режиссерам поиск иногда приобретает странные, извращенные формы. В каких только постановках «Бориса» мне не приходилось участвовать! Один раз мой Борис даже водку с Юродивым пил.

— Большую часть вашего репертуара сейчас составляют вердиевские партии. Такова конъюнктура оперного рынка?

— Верди — самый популярный композитор в мире. Я себя считаю певцом двух композиторов — Верди и Мусоргского. Мне кажется, они оба очень хорошо понимали природу баса. И в таких ролях, как Борис, Филипп или Атилла, я очень хорошо себя чувствую. Эти партии, где необходим настоящий героический темперамент, горячая кровь, абсолютно соответствуют моему голосу. В немецкой и французской музыке, честно сказать, я мало чем могу похвастаться.

— На долю басов, как правило, выпадают образы монархов и деспотов. Это откладывает отпечаток на вашу жизнь?

— Это прекрасно, когда у тебя есть возможность хоть три-четыре часа в день побыть царем, королем и даже Мефистофелем. Мне кажется, воля этих героев иногда дает мне силу для реальной жизни.

— Стажировки, конкурсы — это оправданно долгая дорога к успеху?

— Конечно, хочется, чтобы успех пришел как можно раньше. Но без многих лет тяжелого, невидимого из зрительного зала труда ничего не рождается. И сегодня я каждый день учусь. У меня есть главный слушатель — пианистка Людмила Иванова, которая меня постоянно проверяет. Если я с ней месяц, два не позанимаюсь, я схожу с рельсов, потому что сам себя певец не слышит, и ему необходим контроль со стороны.

— А вы в себе чувствуете педагогические способности?

— Ко мне часто обращаются молодые певцы с просьбой с ними позаниматься. Я всегда отвечаю отказом. Быть педагогом — это огромная моральная ответственность. С моим гастрольным образом жизни у меня нет возможности вести систематические занятия. К тому же, как свидетельствует история, знаменитые певцы редко становятся столь же выдающимися педагогами. Ведь не секрет, что, к примеру, Карузо погубил немало молодых голосов.

— А вы сегодня от пения получаете такое же удовольствие, как и 10 или 15 лет назад?

— Еще больше! Раньше я гораздо больше трудился, когда пел, заставлял себя заниматься через силу. Сейчас вся моя работа происходит только от удовольствия. И сцена для меня теперь — наркотик, без которого я уже не могу жить.

— Какое количество спектаклей в сезоне вы считаете для себя оптимальным?

— Это для меня большой вопрос. Вообще норма — пятьдесят спектаклей в год, не больше одного спектакля в неделю. Ведь каждый выход оперного певца на сцену по эмоциональным и физическим затратам, я думаю, сравним с космическими перегрузками. Но при всем моем желании у меня меньше семидесяти выступлений в году не получается. За что, естественно, я постоянно слышу упреки от близких.

— Как вы выбираете постановки и театры?

— Сначала меня выбирает театр, делая мне предложение. А потом уж я позволяю себе немного поразмышлять, принять его или нет. Главное — не застревать в одном театре, даже

самом лучшем. Невозможно развиваться, сидя на одном месте.

— Что вы делаете, когда предстоит спектакль с коллегами заведомо ниже вас по классу?

— Я к этому очень спокойно отношусь. Очень незачем подчеркивать это обстоятельство. Самое ужасное для певца — плохой дирижер, он запросто может испортить твоё пение. А в состав исполнителей я никогда не вмешиваюсь. Называю приоритетные имена только в случае, если театр ставит спектакль «под меня».

— Какой театр сегодня наиболее адекватен вашему «я»?

— Не хочу ни один обидеть. В любом случае я выбрал бы Ла Скала, Ковент-Гарден, Венскую Штаатс опер, «Гранд-опера», Метрополитен. Правда, их уровень то немного падает, то вновь поднимается. Эта болезнь не касается лишь Метрополитен, где планка постоянно очень высока. Но всегда надо стремиться петь правильный репертуар в правильном месте. Например, в Милане хорошо петь итальянскую и русскую оперу — то, что у меня лучше всего получается.

— Шеф Ла Скала Риккардо Мути крайне ревностно относится к иностранцам, поющим итальянскую оперу. Как вы решаете эту проблему для себя?

— У каждого свои странности. Мне кажется, так воплощается его требовательность к певцам. Его просто надо знать: когда он выходит из себя, нужно подождать минут десять и только потом ему ответить. Эти десять минут играют колоссальную роль. Между нами произошла небольшая ссора, но сейчас — прекрасные отношения. Я с ним недавно на гастроли в Японию ездил, а этим летом в Зальцбурге пел «Реквием» Верди под его управлением.

— Вы работаете сразу с тремя менеджерами. До сих пор не нашли одного идеального импресарио?

— Каждый из них мечтает работать со мной на эксклюзивной основе. Но, к примеру, никто не может лучше наладить работу в Италии, чем

итальянец. Моя венская агентура работает с немецкими и австрийскими театрами. Только ей под силу соответствовать их педантичности. Английское же агентство — мое первое. Я стал сотрудничать с ним сразу после победы на конкурсе имени Чайковского в 1982 году.

— Ваш официальный сайт в Интернете имеет только англоязычную версию. Вы не рассчитываете на внимание своих поклонников в России или Грузии?

— Может быть, действительно стоит подумать о русской и о немецкой версии сайта. Но в Грузии я бываю дней десять за весь год. И в России выступаю при малейшей возможности. Раньше я часто пел в Мариинском театре.

— А сейчас?

— В Мариинке свои хорошие басы. И теперь я чаще помогаю театру в его ответственных мировых гастролях — от Ла Скала до Метрополитен.

— Сегодня трудно соответствовать требованиям мирового оперного рынка?

— Очень. Конкуренция невероятно сильна. Выбиться начинающим певцам сейчас практически невозможно. С именем удержаться на

Бравый Паата не боится даже Риккардо Мути

позициях проще. Слава — хороший страховой полис. Например, я убедился, что в Америке гораздо важнее, кто выходит на сцену, нежели как он поет. И если это знаменитость, да еще и поет хорошо — в Метрополитен вообще все с ума начинают сходить.

— С чем связан ваш июньский концерт в Большом театре?

— В этом году 25 лет, как я пою на сцене. 17 июня по этому поводу устроят большие торжества в Тбилиси. А 14 июня спою гала-концерт в Москве. Ко мне в гости придут мои друзья Мария Гулегина и Ренато Брузон, и мы покажем сцены из трех разных опер.

— Как вам система, при которой вы точно знаете, что в 2005 году поете конкретную оперу в конкретном театре?

— Я в себе абсолютно уверен. Спеть в хорошем театре мне захочется всегда. Я психологически готов ко всем своим будущим спектаклям. Например, я уже сегодня мечтаю о своем Гремине в «Евгении Онегине». Я всегда с удовольствием пою эту партию, если театр в состоянии выплатить мне гонорар, по сути, за одну только арию. Это бывает лишь в больших театрах. Так что теперь мой Гремин появится не скоро — в 2006 году на сцене Ла Скала... Кстати, теперь из-за мирового экономического кризиса театры составляют свои планы лишь на два года вперед, в то время как раньше они планировали на пять лет.

— Бывало, что вы хлопали дверью, если что-то на постановке происходило не по-вашему?

— И нередко. Но сейчас я стараюсь не доводить дело до такого накала, потому что это бесполезно. Ну, будут неприятности; возможно, меня на долгое время перестанут приглашать в этот театр, а больше ничего не изменится. Куда правильнее попытаться найти компромисс. Тем более, что иногда эпатажная режиссура даже спасает спектакль, отвлекая публику от плохого пения.

— Вообще вы привередливый артист?

— Не думаю. У меня самые обычные пожелания. В первую очередь удобное расписание репетиций. Я редко выдвигаю какие-то экстра-требования. Некоторые театры даже машину не присылают. А Метрополитен Опера, например, оплачивает авиабилет лишь в эконом-классе, а эконом-классом я не летаю.

— Почему?

— Потому что я провожу в самолетах иногда по 9 — 10 часов. И за время полета должен успеть отдохнуть, а это удастся сделать только в бизнес-классе.

— Вы уже ощущаете себя гражданином мира?

— Да, конечно. Но жить я могу только в Европе. В Америке — ни за что. Когда американец спрашивает тебя: «Как дела?», тебе сразу понятно, что ему это на самом деле совсем не интересно. Там очень трудно найти искренность в человеческих отношениях.

— Вы подвержены каким-то модным течениям?

— Не знаю. Разве что люблю красиво одеться. За этим у меня жена следит. Но вот сейчас в моде рваные джинсы, а я до этого еще не дошел.

— Как вы относитесь к сегодняшнему выходу оперы на стадионы?

— Я еще ни разу в жизни не видел на стадионе настоящих любителей оперы. Туда люди приходят в поисках яркого зрелища, которое в принципе на голоса и не рассчитано. Хотя, как правило, постановщикам таких проектов нужны звезды. И, может быть, кто-нибудь из таких зрителей потом заинтересуется оперой и придет в театр... Нет, для меня все-таки есть определенный соблазн участия в таких шоу.

— В чем он?

— В первую очередь это соблазн материальный. Сейчас жизнь очень дорогая. И я не знаю ни одного человека, для которого финансовый вопрос был бы не важен.

— Певцы считаются людьми суеверными. У вас есть свой «ржавый гвоздь» в кармане?

— У меня есть булавка против дурного глаза.

— Не секрет, что часто отношения между солистами бывают дружелюбными лишь чисто внешне...

— Басы — особая каста. Мы друг другу подлости и гадости не делаем. Очень многие басы — мои друзья. Мы лишь со стороны наблюдаем за тем, как «развлекаются» сопрано и теноры.

— Почему, на ваш взгляд, они так конфликтны?

— Наверное, оттого, что в мире они самые популярные голоса. Ведь Россия — исключение: здесь исторически басы — фавориты публики наравне с тенорами.

— Сегодня на оперных звездах работают целые пиар-команды. Вы когда-нибудь прибегали к услугам имиджмейкеров?

— Даже никогда не задумывался на эту тему. Я всегда старался быть таким, каков я есть. Но вот, например, менеджеры мне советовали помалкивать о своей любви к охоте, так как в Европе очень сильные позиции «зеленых». И я убедился в том, что они правы. Вот уже лет семь, как я забросил охоту.

— А какие еще привычки вы принесли в жертву своей нынешней жизни?

— Отменил застолья. Я очень люблю посидеть с друзьями и хорошо выпить. Я всегда был завидным тамадой. Но сейчас совсем не получается встречаться. Потому что серьезно к делу относиться и одновременно гулять не выходит. А так я не умею: за вечер один стакан выпить и хорошо поговорить по душам.

— Сколько надо выпить, чтобы разговор получился?

— Стаканов не хватит. Здесь счет идет уже на бутылки. Водки — штуки две, а вина — побольше. Так что из прошлых увлечений я себе только рыбалку оставил.

— А попадись вам золотая рыбка, о чем бы вы ее попросили?

— Только ради себя я не стал бы беспокоить золотую рыбку. Я — реалист. Все, что мне нужно, я сам могу сделать. Мне не нужно никакого подарка. Единственное, чего мне не хватает в жизни, — это отдыха.